

18+

ИСПОВЕДЬ БОЕВИКА

ОТКРОВЕНИЯ ДОБРОВОЛЬЦА

Бондо Доровских

Бондо Доровских
**Исповедь боевика.
Откровения добровольца**

«Издательские решения»

Доровских Б.

Исповедь боевика. Откровения добровольца / Б. Доровских —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744054-1

Когда веришь во что-то, надо действовать. Бондо Доровских отправился добровольцем на Донбасс, потому что не мог иначе. Он ехал воевать за идею и защищать людей, но в итоге увидел, что эта война «фальшивая», хотя пули и мины там реальны вполне. Если вы знаете о Донбассе из СМИ, почитайте и попробуйте разобраться, как обстоят дела на самом деле.

ISBN 978-5-44-744054-1

© Доровских Б.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Пролог	7
Собираясь на войну	11
Ростов-на-Дону	15
Село Беленькое	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Исповедь боевика Откровения добровольца

Бондо Доровских

Редактор Артем Пудов

Корректор Александра Рябухина

Дизайнер обложки Максим Новиков

© Бондо Доровских, 2018

© Максим Новиков, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-4054-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Бондо Доровских родился в 1974 году в Душанбе (Таджикской ССР) в семье потомственных военных. И прадед по материнской линии воевал, и дед по отцу был кадровым офицером, а дед по матери – военным летчиком. Все мужчины семьи так или иначе причастны к военному делу. Не удивительно, что Бондо тоже стремился туда, где опасно, где идет война, где не на жизнь, а на смерть отстаивают свои интересы люди и государства.

До войны была обычная жизнь: школа, институт – факультет химической техники и кибернетики. Бизнес. Да, свой бизнес Бондо начал еще в 1992 году – сначала продавали ткани, затем наладили поставки хлопка из Средней Азии. С 2000-го подключился и нефтебизнес: АЗС, нефтебаза...

В июле 2014 года семейное призвание напомнило о себе – в составе бригады «Призрак» Бондо участвовал в вооруженном конфликте на юго-востоке Украины, а позже в боях по обороне села Никишино в составе 1-го Славянского батальона ДНР.

О том, что видел и как все было, Бондо Доровских рассказал в 2015 году в интервью Радио Свобода. И после не раз выступал в различных СМИ с комментариями о ситуации в Донбассе.

С октября 2015 года Бондо собирает добровольцев для поддержки курдских операций против ИГИЛ (Запрещенная в РФ организация). При этом на своей страничке в Facebook он честно предупреждает о возможных последствиях такого поступка: «Пожалуйста, помните, что жертвовать своей жизнью и прийти на помощь к другим людям – это серьезное решение. Конфликт является относительно интенсивным по современным военным стандартам – свыше 3% летальности. Если вы получите ранение, то не будет медицинской эвакуации в военный госпиталь современного уровня. Не будет военной пенсии и поддержки. Премии ИГИЛ достаточно высоки – \$250 000 за голову каждого приезжего добровольца. А в случае похищения шансы на спасение крайне низки.

Вы вернетесь домой один, с несколькими фотографиями, чтобы вспоминать о своих боевых буднях, возможно, встретите новых друзей и, возможно, всю оставшуюся часть жизни останетесь с посттравматическим синдромом или будете иметь глубочайшую депрессию.

Подумайте, нужно ли вам это, действительно ли это ваше призвание?!»

В настоящее время Бондо Доровских живет в России, а работает за ее пределами. Международная торговля сырой нефтью преимущественно из стран Западной Африки занимает все его время.

Тема войны, однако, не ушла из жизни: интерес не только сохранился, но и расширился. Но писать об этом автор не может, по крайней мере пока.

Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своем есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых – отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти.

Так он и проповедуется везде, где проповедуется патриотизм. Патриотизм есть рабство.

Л. Н. Толстой. Христианство и патриотизм

Пролог

Стремление защищать свою страну возникло у меня еще во времена, когда наши войска находились в Афганистане. В ту пору, еще мальчишкой, я мечтал, что окажусь там, где выпадет честь стать воином-интернационалистом. В Душанбе, где я родился, все было пропитано этим с детства, Таджикская ССР граничила с Афганистаном. Нередко можно было увидеть, как советские военные колонны, спускавшиеся с горных долин, въезжали в город, и я еще ребенком почувствовал к этому необычайный интерес. В школу к нам часто приходили солдаты, рассказывающие про Афганистан, мы с упоением их слушали. Многие друзья моих родителей уезжали туда на заработки. Как-то раз, проснувшись утром, я увидел боевой пистолет, который чудом не утащил с собой в детский сад. Но, к моему большому сожалению, войска были выведены до того, как пришла пора мне служить.

Весной 1992 года, придя в военкомат, я попросил, чтобы меня отправили куда-нибудь на войну. Прапорщик развел руками и сказал, что военных конфликтов с участием России не происходит, за исключением Югославии, где находился наш миротворческий контингент, попасть в который мог только тот, кто уже отслужил в армии по призыву. В ту пору не было интернета и жил я в маленьком городке Тверской области. В газетах об этом не писали, информация была не так доступна, как сейчас, поэтому я не знал, что у войны всегда найдется свободное местечко в любые времена. Было бы желание и средства. А тогда, в 1992 году, мне ничего не оставалось делать, как поступить в химико-технологический институт, так как служить в армии, которая не воевала, было для меня пустой затеей.

В 2000 году я организовал предприятие по реализации продуктов нефтепереработки. Ежемесячно мои компании продавали тысячи тонн нефтепродуктов, благодаря чему я имел возможность оказывать спонсорскую помощь, в том числе и правоохранительным органам.

Стоимость барреля нефти тогда, в 2002 году, составляла всего 25 долларов, поэтому предприниматели в России несли долговую нагрузку государства в виде обеспечения жизнедеятельности некоторых государственных структур.

Запрос с УБОП КМ УВД Ивановской области, 2002 год.

На моем бензине ездили почти все районные отделы внутренних дел города Иваново, а во вторую чеченскую кампанию я неоднократно финансировал отправку бойцов СОБР¹ в зону вооруженного конфликта.

¹ СОБР (Специальный отдел быстрого реагирования) – федеральные и региональные специальные подразделения МВД

Благодарные бойцы СОБРа организовывали для меня обучение по огневой подготовке, используя различное вооружение, а именно: ПКМ², гранатомет РПГ-7³, ВСС⁴, автомат Калашникова и другие. Кроме того, ребята составляли мою личную охрану.

С РПГ-7, в 10 км. от г. Иваново, 2002 год.

Помогали мы деньгами и Управлению ФСБ по Ивановской области. Службу безопасности моей компании возглавлял подполковник этой же организации, а также у нас трудилось еще несколько оперативных сотрудников УФСБ.

В результате я получил десятки благодарственных писем от руководителей различных подразделений МВД и ФСБ России.

России, штатно входившие (до 2003 года) в состав управлений по борьбе с организованной преступностью МВД России.

² ПКМ – 7,62-мм пулемет Калашникова, модифицированный, разработанный Михаилом Тимофеевичем Калашниковым в качестве единого пулемета для Вооруженных Сил СССР.

³ РПГ-7 – советский/российский многозарядный ручной противотанковый гранатомет для стрельбы кумулятивными боеприпасами. Предназначен для борьбы с танками, самоходными артиллерийскими установками и другой бронетехникой противника, может быть использован для уничтожения живой силы противника в укрытиях, а также для борьбы с низколетящими воздушными целями.

⁴ ВСС – бесшумная снайперская винтовка для подразделений специального назначения.

С бесшумной снайперской винтовкой,
в 10. км. от г. Иваново.

С пулеметом Калашникова,
в 10.км. от г. Иваново.

Собираясь на войну

Еще в феврале 2014 года, смотря российское телевидение, я не мог оторваться от экрана. Все СМИ, за исключением канала «Культура», непрерывно освещали события в Украине. Вечерние новости увеличились с тридцати минут до одного часа и более. Если бы не моя работа, на которую я устроился не так давно, я был бы уже там еще в апреле, когда российские граждане оказались в Славянске⁵. Проснувшись на следующий день, я смотрел на себя в зеркало и мысленно говорил: «Не вздумай туда поехать – это не твое дело». Последние годы я проживал в Москве и должен признаться, они были не самыми лучшими в моей жизни. Несколько месяцев назад мне предложили работу директора по развитию в строительной компании, которая занималась жилым, промышленным и коммерческим строительством. После того как я ежемесячно продавал нефтепродукты на миллионы долларов, работать на дядю, пусть и в роли директора, было не очень завидной участью. Поэтому работа отошла на второй план, впрочем, она меня с самого начала не интересовала. «Мы должны добить бандеровцев, потому как наши деды их не добились», – говорил во мне эфир какого-то канала.

- Доброе утро, – говорю я охраннику, открывающему дверь.
- Доброе, – приветствует он.
- Вы видели, что творят нацики на Донбассе?
- Вы в это верите? Может, мы слишком доверчивы?
- Да о чем вы говорите? Хохлы продались американцам, причем уже давно.
- Может быть... – отвечаю я, думая о своем.

Придя в офис, включаю компьютер и погружаюсь в интернет: ищу свежие новости о событиях в новоиспеченной Новороссии, где орудует Стрелков⁶.

В начале апреля группа его вооруженных людей захватила административные здания в Славянске Донецкой области. 13 апреля 2014 года Совет национальной безопасности и обороны Украины принял решение о начале антитеррористической операции с привлечением Вооруженных сил Украины. В этот же день в Славянске попала в засаду и была обстреляна группа сотрудников СБУ⁷. Часть из них была убита и ранена. Так началась война на юго-востоке Украины, где организаторами и вдохновителями были российские граждане, после чего появился следующий анекдот.

- Бабушка подходит к внуку и спрашивает:
- Сынок, а что это делается на улицах Славянска? Что это за баррикады?
 - Революция, бабуль.
 - А кто против кого?
 - Наш народ против преступной власти.
 - А что это я, милый, там своих не вижу, все одни приезжие...

Вечером приехал домой – и снова телевидение: там гибнут люди... убивают русских людей... запрещают говорить на родном языке...

Я скоро буду у вас. Дождитесь!

Утром умываюсь, смотрю в зеркало и говорю: «Не вздумай туда поехать. Нет, конечно, нет. Я ведь не дурак, конечно, не поеду. Мне там нечего делать...» С каждым днем я погружался все глубже и глубже. Меня занимало только одно – Донбасс и все, что с ним связано.

⁵ Славянск – город областного значения в Донецкой области Украины.

⁶ Игорь Иванович Стрелков (настоящее имя Игорь Всеволодович Гиркин) – российский военнослужащий, публицист и писатель; военный деятель непризнанной Донецкой Народной Республики (ДНР).

⁷ Служба безопасности Украины – правоохранительный орган специального назначения, обеспечивающий государственную безопасность Украины.

Я стал себе признаваться, что, возможно, все-таки туда поеду. Хотя эта мысль меня пугала, и я тщетно отгонял ее. Мне не удавалось найти информацию о том, как добраться до Славянска, чтобы при этом не попасть в руки украинских властей. Самостоятельно ехать туда я был не готов, глух был для доводов разума, который кричал мне: «Куда ведешь ты меня?» Но был голос в сердце: «Сделать это – твой долг». И так силен был тот голос, что представления разума становились ничтожными...

Шел конец мая, когда я нашел адрес электронной почты военкомата Славянска, куда немедленно написал о своем желании прибыть. В ответ мне сообщили: «Вам нужно прибыть в город Славянск и прийти в военкомат». Я понимал, что сделать это будет не просто, так как украинские власти высаживали с поездов россиян, мужчин в возрасте от 18 до 60 лет, чтобы ограничить поток добровольцев, хлынувший в Украину.

«Какого черта! – думаю я. – Как туда добраться?»

Вспомнил про товарища, проживающего на самой границе с Украиной в Донецке Ростовской области. После окончания чеченской войны он демобилизовался из армии и занимался контрабандой некоторых товаров из России в Украину. Нужно было срочно его найти и попросить о помощи, чтобы его компаньоны из Украины доставили меня в Славянск. Но, как назло, мой товарищ как в воду канул, и, потратив несколько безуспешных дней на его розыск, я вернулся к поискам в интернете информации, способной мне помочь.

Я бы мог, конечно, рискнуть и поехать самостоятельно в Украину, но было одно но: появившиеся долги ограничивали мое передвижение за пределы Российской Федерации. Я мог рассматривать только одно – незаконное пересечение границы, для которого мне было необходимо «окно».

На выходные приехал в Иваново, где через забор от приятеля дислоцируется 98-я дивизия ВДВ.

– Макс, я на Украину собрался, – сообщаю я.

– Зачем тебе это надо?

– Не хочу говорить громких слов. Не знаю... меня туда тянет.

Прошли выходные. Будни, где всё так же: утро... зеркало... не вздумай ехать... офис... сообщения о войне... «Нет, я никуда не поеду...» – купил бронезилет, маскхалат, берцы, разгрузку, рации, нож, медицину, костюм «Горка» и балаклаву. В офисе я всё примерил и, глядя на себя в зеркало, сказал: «Ты становишься похожим на боевика».

Я задумался, размышляя, куда меня все это приведет, и еще сопротивлялся в душе. Говорил себе, что не поеду. Сложно было допустить, что тебя может и не стать после этой поездки. Все это нужно было представить в своем воображении и согласиться, что такое возможно и ты готов к любому развитию ситуации.

Рабочий день закончился, а я все ходил в бронезилете, рассматривая свой новый образ.

– Ого, вы куда? – спросил охранник, увидев меня.

– На Украину, воевать, – ответил я.

– Да вы что? Seriously?

– Да.

– Здорово! Я бы тоже поехал, но у меня сын больной, некому за ним смотреть.

Он стал рассказывать про свою службу в армии и, конечно, загорелся идеей повоювать. Сидеть каждую смену по 24 часа в комнате и смотреть в монитор, изредка выходя покурить, – мало для кого может быть интересным.

Он пожелал мне удачи и крепко бить неприятеля.

– Да, спасибо, она мне пригодится.

Когда покупал броник, амуницию, у меня создалось впечатление, что все едут в Украину: военная тематика разлеталась у продавцов на ура.

Снова на выходные приезжаю в Иваново: 98-я дивизия на марше, с полной выкладкой и техникой, в направлении Северного аэродрома. Выскакиваю из машины. Пытаюсь прорваться к капитану ВДВ. Кричу:

– Вы куда едете, на Украину?

Но не пускает мой товарищ по имени Макс.

– Да туда, туда – тебе это только не надо, – говорит он.

Внутри все горит. Они едут воевать, а я тут, в тылу...

Захожу в магазинчик, что метрах в ста от воинской части. Здесь всегда полно контрактников, но сегодня пусто. Спрашиваю у продавщицы:

– Где все?

– Ребята поехали нас защищать. А вы долг отдали Родине? – спрашивает она.

– Я уже отдал в Чечне, – говорит Макс.

– Молодец ты, завидую тебе. И что там на войне – в окопах буду и в грязь, и в стужу?

– Конечно. А ты как думал?!

– Хорошо, я ко всему готов, – ответил я.

«А если убьют?! – думаю про себя. – Кстати, как назад добираться в случае гибели?»

Гуглю... Довезут до Ростова-на-Дону, а оттуда родственники заберут. Никому проблем доставлять не хочу: похороны, слезы... нет, данных своих близких в ополчение не дам – пусть, если что, захоронят там...

В начале июня в сети стала появляться информация о том, как организованно добраться до ополчения: «Русское национальное единство»⁸, «Интербригады»⁹, военкомат ДНР¹⁰ в Москве, казачество и другие организации работали исправно, занимаясь отправкой добровольцев. Нужно было только написать на адрес электронной почты этих организаций и дожидаться ответа. В ответе была просьба указать ФИО, город проживания, гражданство, воинскую специальность (если служил), опыт боевых действий, когда готов приехать, контактный номер телефона. После одобрения анкеты требовалось приехать в Ростов-на-Дону и позвонить по указанному телефону. Одобрляли анкету всем без исключения – в том числе и мне положительно ответили все, кому я писал. А написал я всем, кому можно.

Я решил съездить в церковь, чтобы попросить благословения на эту поездку.

– Чем ты можешь им помочь? – спросил священник. – Борись лучше со своими страстями. Благословение я тебе не дам.

Я задумался над его словами: действительно, чем я мог помочь противоборствующим в этом конфликте?! Но я уже горел желанием воевать.

Когда собирался в Ростов-на-Дону, мне позвонил сотрудник ФСБ и попросил подъехать в управление по Ивановской области.

– А в чем дело? – спросил я.

– Вы нам писали, что хотите отправиться в Национальную гвардию Украины?

⁸ «Русское национальное единство» (РНЕ, по имени лидера, также «Баркашовцы», «Гвардия Баркашова») – российская ультранационалистическая организация, основанная 16 октября 1990 года группой бывших активистов НПФ «Память» во главе с Александром Баркашовым. Идеология характеризуется рядом политологов как фашистская и нацистская.

⁹ Добровольческое движение «Интербригады» – движение, организованное незарегистрированной российской национал-большевистской политической партией «Другая Россия» для участия в вооруженном конфликте на востоке Украины на стороне повстанцев.

¹⁰ Донецкая Народная Республика – непризнанное государственное образование на юго-востоке Европы, провозглашенное в пределах Донецкой области Украины. Согласно Конституции Украины территория, на которую претендует ДНР, входит в состав Украины. Большая часть заявленной территории ДНР контролируется украинскими властями; примерно треть заявленной территории ДНР, неподконтрольная украинским властям, согласно постановлению Верховной Рады Украины, «до момента выведения всех незаконных вооруженных формирований, российских оккупационных войск и их войсковой техники» считается временно оккупированной территорией.

Начинаю припоминать... да... действительно, пару недель назад я написал им и спросил, будут ли ко мне применены карательные меры в случае участия в этой войне на стороне Национальной гвардии.

– А, это?! Я еду в ополчение. Как раз уже на пороге, у выхода из дома.

– А куда вы едете конкретно? На Донбасс? Можете к нам сейчас приехать? – спросили меня уже совсем другим голосом.

– Сейчас приеду. Я как раз в Иваново.

– Приезжайте, жду, – ответили мне.

Я вызвал такси и отправился к ним. В машине водитель был задумчив, а я без остановки говорил.

– Нет, ну ты смотри, в Национальную гвардию ехать нельзя, а только сказал про ополчение, так – пожалуйста, – произнес я.

– Чего, чего? – заинтересовался водитель.

– Да, на Донбасс я еду, бандеровцев валить.

– С ума сошел?! Вон уже двоих привезли в гробах оттуда, – удивился он.

Действительно, в мае двое добровольцев из Иваново погибли при штурме Донецкого аэропорта.

– Война – что ты хочешь? – прокомментировал я. – Там могут и убить.

В ФСБ меня попросили расписаться в том, что я не желаю получать ответ на свой вопрос.

«Понятно, – подумал я, – вопрос щекотливый для вас».

Но и это было еще не все. Меня стали допрашивать под протокол, куда я еду конкретно и каким способом намереваюсь добраться. Я отказался давать какие-либо показания. На что офицер возразил:

– Просто лучше сейчас дать показания, нежели потом, в Ростове-на-Дону, наши сотрудники будут с вами общаться.

– А так они будут в курсе насчет вас, – заметил он.

– Вы меня не сдадите украинской стороне? Вы информацию им не сливаете?

– А с чего вы решили, что мы делимся с ними такой информацией?

– Все может быть – сегодня одна власть, а завтра – другая, и вы нас же с потрохами и сдадите. Сегодня мы добровольцы, а завтра террористы.

Но меня заверили, что эта информация не получит огласки, и лишь только спросили:

– А почему вы написали нам такое сообщение с вопросом об участии в Национальной гвардии Украины?

Я ответил:

– Чтобы ясно понимать политику нашего государства, – может, я чего-то не понимаю.

– Теперь поняли?

– Теперь да, я все понял.

– А что вами движет в этой поездке?

– Защищать хочу наших соплеменников, и вообще это война с Россией и там ее форпост. Украина выступает лишь площадкой военных действий Запада против нас.

– Хорошо, что вы это понимаете. Таких людей, как вы, к сожалению, сейчас очень мало. Здоровья вам! И удачи!

Ростов-на-Дону

В полученной инструкции от военкомата Донецкой Народной Республики в Москве меня попросили добраться до железнодорожного вокзала в Ростове-на-Дону, где затем следовало позвонить по указанному номеру.

– Здравствуйте, мне дали ваш номер телефона.

– Привет. Ты где сейчас находишься? – ответил мужской голос.

– На железнодорожном вокзале.

– Езжай на автобусе номер 75 до «Мегамага». Оттуда иди в сторону Левобережной улицы до кафе «Смирнов» или возьми такси. Потом набережь этот номер.

Ехать было недалеко, всего одну остановку, после чего я шел пешком пару километров и спрашивал себя: «Куда я еду? Зачем мне это надо? Какая война? Убьют ведь».

Я останавливался, садился на рюкзак, думал, потом вставал и шел дальше. В результате расстояние, которое можно было бы пройти за полчаса, я шел часа два или три. Тяжело мне давалось решение воевать, сомнения одолевали, мой разум был просто вне себя от непонимания и неприятия предстоящих событий. Но я медленно продвигался вперед... Добравшись до указанного места и набрав знакомый номер, узнал, что прямо напротив находится лодочная станция. Я прошел метров пятьдесят и увидел развевающиеся флаги ДНР. Вокруг здания ходили одинокие, унылые люди. Этих бедолаг нельзя было ни с кем спутать – было видно, что они едут туда же.

Я вошел во двор и, подойдя к беседке, спросил:

– Кто старший?

– Сова, – ответили мне. – Она сейчас отдыхает. Чай, кофе, поесть, если хочешь. Располагайся.

Это было старое деревянное здание, метра на два возвышавшееся над землей. На улице были две большие палатки, на шесть человек каждая, сарай с лодками, деревянный туалет и душ. Висела боксерская груша. Беседка, где стоял большой стол, человек на десять – двенадцать. Вещал телевизор – смотрели кинофильм.

Первые минуты я чувствовал себя не в своей тарелке: какие-то разные, непонятные люди. Кто-то одет в военную форму, кто-то в спортивный костюм или пляжный «прикид». Но все были дружелюбны, и я быстро освоился. Приходили люди с опытом, их было видно сразу: рейдовые и штурмовые рюкзаки на плечах, тактические коврики, бороды и военная форма. Это были казаки, чей возраст далеко за сорок.

В самом здании располагались две спальные части, человек на тридцать каждая. На выходе лежали матрасы, как в старых больницах – потертые и в пятнах. Тут же стояли медицинские носилки, смотреть на которые я не мог – мне становилось не по себе. Глядя на эти носилки, я впервые учуял смрад войны. Как-то один из журналистов спросил меня: «Чем пахнет война? На что это похоже? Запах пороха или что?» Порох пахнет естественно, а вот война чем-то гнилым и холодным. Есть ли слова, способные передать этот запах?! Вряд ли. Его можно только почуять.

Я увидел несколько раненых из Донбасса – кто осколками от АГС¹¹, кто пулями. Передвигались они на костылях. «Вот они, первые жертвы войны».

Один из пострадавших посоветовал нам прятать оружие, когда будем захватывать его в зоне боевых действий. В Донецке он продавал его по тысяче долларов за автомат и по триста

¹¹ АГС-17 «Пламя» – 30-мм автоматический гранатомет станковый. Предназначен для поражения живой силы и огневых средств противника, расположенных вне укрытий, в открытых окопах (траншеях) и за естественными складками местности (в лощинах, оврагах, на обратных скатах высот).

за пистолет Макарова. Мне показалось это неправильным – я ехал туда не за деньгами, а воевать и помогать.

Проснулась Сова, симпатичная девушка лет тридцати. Она записывала всех вновь прибывших и являлась старшей в этом лагере на время, пока не было Алексея и Николая, занимавшихся перебрской добровольцев через границу.

Я подошел к ней и сказал, что прибыл из Москвы. Девушка взяла мой паспорт и спросила:

– Какой у вас позывной?

– Тридцать седьмой, по номеру региона Ивановской области, – ответил я.

Записав мои данные, а также информацию обо мне, она выдала постельное белье.

Я расположился в палатке на улице. Со мной было несколько осетин и русских, с которыми я довольно быстро сдружился. Они уже имели опыт боевых действий и многим со мной поделились. Мы лежали в палатке, наступила полночь. На той стороне реки грохотал ресторан: визг, счастье, музыка. А мы ехали на войну... Я сказал, обращаясь к Алану (так звали моего нового друга):

– Весело им сейчас. Что-то захотелось туда...

– Завтра, если не уедем, нужно сходить.

– Алан, ты родителям сказал, когда уезжал? – спросил я.

– Нет, брату только сегодня позвонил. Матери сказал, что на работу поехал в Москву.

А парень из Суздаля, бывший разведчик, сказал:

– Чем этих москвичей обслуживать, работая там, лучше людям поможем. Больше смысла.

Я был горд и счастлив, что рядом со мной находилось так много смелых, бескорыстных и хороших людей. Многие из них вели абсолютно трезвую жизнь и не имели пагубных привычек. Каждый был в чем-то уникален. Один даже приехал автостопом из Владивостока.

Еду нам готовили те, кто доехал, но дальше идти не захотел. К примеру, якут лет двадцати, над которым кавказцы часто шутили. Подойдя к нам, он как-то спросил:

– А мне точно надо туда ехать?

Парень был странный, почти ни с кем не общался, полный, мягкий, в очках. Удивительно, что он решил ехать, но, наверное, у него были такие же причины, как и у нас.

– Оставайся здесь, подумай хорошо, – сказал кто-то.

Утром были завтрак, построение, переключка. Потом, в принципе, свободное время, никаких обязательств. Приехал русский парень из Ирака, все тело которого было покрыто шрамами. Не помню его позывной, но за последние двадцать пять лет он участвовал почти во всех военных конфликтах на земле.

– Я тебя прикрою, Бондо, на меня можешь положиться, – сказал он.

– Не переживай, это только первый раз страшно, потом понравится. Отвоюем там, поедем в Сирию.

В день нас собиралось до ста человек – разные люди со всей России и не только. Были из Израиля, Италии, Испании, Канады. Кто-то приходил в наш лагерь, кто-то из него уходил.

Вечером приехали еще ребята из Осетии, и мы сидели ночью на берегу реки, организовав небольшой пикник. Было беззаботно и весело, мы с нетерпением ждали завтрашнего дня.

Приехали еще русские парни из Донбасса, которые занимались беспилотниками. Я смотрел на них с восхищением: они уже были там и возвращались домой...

Следующим утром нас построили, и человек сорок в двух микроавтобусах повезли на границу. В дороге мы иногда разговаривали, но тягостное ощущение было у всех. Каждый напряженно думал о своем, в то время как мы приближались к этой войне со скоростью уносивших нас из мирной жизни машин. Когда подъезжали к границе, вдоль нее стояли самоходные артиллерийские установки, стволами направленные в сторону Украины. Ехали мы часа два по объездным проселочным дорогам, пока не прибыли на пограничный переход Куйбышево.

Все дружно высыпали на улицу и стали смотреть туда, где работала арта (артиллерия). Там, всего в пятистах метрах от нас, на территории Украины грохотали наши пушки. Первый раз в жизни я слышал звуки орудий. Российские подразделения отодвигали от наших границ украинских военнослужащих. Так сказали нам пограничники.

Внутри у меня все сжималось – страха не было, только новые ощущения, которые я тут же подметил. Нигде вы не испытаете тех чувств, что проявляются только на войне. Ваш организм будет в шоке, каждая его клетка встанет дыбом от ужаса происходящего, а потом некоторым из вас это понравится, и вы будете лелеять мечту о новой войне.

Этот пограничный пункт не работал в пропускном режиме для всех остальных – только для нас и военных. Старший нашей группы, мужчина лет пятидесяти, подойдя к пограничнику, сказал:

– Вам должны были звонить. Я Алексей.

– Да, проходите, – ответили ему.

По несколько человек мы переходили границу. Раскаты орудий стояли в ушах. По четверо, пятеро мы подходили к шлагбауму, где у нас проверяли паспорта.

Метров через двадцать досматривались и наши вещи.

– Колющие предметы есть? Оружие, боеприпасы?

– Нет, – отвечали мы.

Вышел капитан и у каждого спрашивал:

– Ты куда едешь?

– Я к девушке на Украину, к знакомой, – ответил парень из Суздаля.

– А ты куда? – спросил он израильтянина.

– Мне тоже нужно, к знакомым.

Нас предупредили в Ростове-на-Дону, чтобы мы на пограничном переходе не разговаривали. Вот мы и играли в молчанку. Хотя всем смешно: и пограничникам, и нам.

– И куда вы собрались? – спросил капитан. – Дома дети, наверное, семьи, жены, а они...

Меня это кольнуло, внутренне я был с ним согласен. Своих бросили, к чужим поехали.

За нами из Донецка приехал большой стреляный пассажирский автобус – может, с пару всего осталось стекол, все остальное было забито картоном. Несомненно, он побывал в боях. Несколько дней назад такая же группа добровольцев из России по пути в Донецк попала в засаду и была обстреляна шквальным огнем. Выжили единицы.

Пока мы шли через этот пункт по проселочной дороге, которая находилась рядом слева, метрах в двадцати двигалась военная техника без опознавательных знаков: «Уралы», УАЗы. В них сидели люди в форме.

Когда ехал из Москвы в Ростов-на-Дону, то на трассе я видел эту технику без номерных знаков, большими километровыми колоннами двигавшуюся по территории Ростовской области. Эту картину, думаю, наблюдали все летом 2014-го, кто проезжал по этой территории. Позже я часто видел такую технику, без номерных знаков, на территории Донбасса.

Но меня и еще трех осетин не пропустили из-за ограничений на выезд за границу, наложенных судебными приставами. Причем они стали действовать именно в этот день. До этого пропускали всех подряд. Начальник пограничного перехода сказал:

– Не повезло, парни, с сегодняшнего дня новое распоряжение. Пройдете с Алексеем. Он в курсе, вас проведет.

Мы ехали назад в Ростов-на-Дону: с одной стороны, с облегчением, напряженность внутри спала, но с другой – с разочарованием, что не уехали вместе со всеми. Переночевали в лагере, куда уже приехало пополнение.

С утра нас распределили: у кого были проблемы с проходом через границу – к Мозговому или к казакам. Нас, человек пятнадцать, отправили к Мозговому, командиру батальона «Призрак»¹².

Осетины подошли ко мне:

– Бондо, ты все-таки к Мозговому?

– Да.

– Смотри, он, говорят, людей не бережет, под пули бросает.

– Не бойся, брат, если что – отступить.

Алексей Мозговой – один из видных лидеров вооружённых формирований Луганской Народной Республики, убит 23.05.2015 неизвестными лицами.

¹² Батальон «Призрак», Народное ополчение Луганщины – вооруженное формирование. Принимало активное участие в вооруженном конфликте на востоке Украины, в частности, в боях в районе Дебальцева. Лидером отряда бесменно был Алексей Мозговой.

Село Беленькое

Мы прибыли в город Донецк Ростовской области, который граничит с территорией Украины, прождали там около часа. Проезжавшие на машинах люди с интересом высовывали головы, глядя на нас, – почти все мы были одеты в маскхалаты. Ополченцы приехали на микроавтобусе, выкрашенном в пятнисто-зеленый цвет. Старшего звали «Механик» – он занимался переправкой добровольцев через границу, а также гуманитарными грузами, что шли в адрес батальона «Призрак».

Я продолжал удивляться: «Куда я еду?!» Но ноги несли сами, не давая думать голове...

Мы пересекли границу по полю: прошли метров сто, чтобы машина не просела, и оказались в селе Беленькое Краснодонского района Луганской области, что в тысяче метров от российской границы.

Располагались ополченцы в местном клубе – их было человек тридцать.

Выгрузились, и первое, что увидели, – это драка между двумя ополченцами, героями обороны Славянска. Позже, через неделю, один из дравшихся украл пистолет Макарова у капитана ГРУ¹³ (в отставке). Группа отставников ГРУ состояла из трех человек и направлялась в Россию. Они уже не скрывали того, кем являются, однако и не афишировали. Один из них был из Москвы, другой из Нижнего Новгорода, третий – не помню откуда. Мне запомнился старший группы. Было видно, что он офицер: рост 180, крепкого телосложения, командный голос и военная выправка. Воевал еще в первую чеченскую, штурмовал Грозный. Владел оружием и ножевым боем, основами медицины – в той части, где какие ранения могут быть и какие препараты применять. Он был подготовлен на все сто – настоящий профессионал, коих на Донбассе я встречу немного.

По некоторым отрывкам разговоров за десять дней я составил картину о них, хотя говорили офицеры не всё. Они уже были три месяца в Украине. Заходили с одними ножами, две попытки были неудачны – выходили на большое скопление противника. Как сказал один: «Вы никогда бы не узнали о нас, если бы мы не потеряли связь с Россией, где нас уже сочли убитыми, и помощь не шла в наш адрес». Через месяц скитаний они вышли к ополченцам и прибились к гуманитарной колонне. Их командира расстреляли ополченцы (в самом начале в группе было четверо). Они везли его тело на похороны в Россию – точнее, тело было где-то, а они его ждали у границы, чтобы сопроводить.

– А за что убили вашего командира? – спросил я.

– Да ни за что, – ответил один из них. – Просто расстреляли и все.

Далее проявлять любопытство было неуместно.

Спустя два часа к нам пришла колонна из Алчевска¹⁴. Все такие бравые: некоторые были одеты в бронежилеты, очки противоосколочные, каски кевларовые.

Из «Лэнд Крузера» с пистолетом в руке вышел заместитель комбата Николаич.

– Почему эти два топливозаправщика не прибыли на место? – закричал он.

– Нам такого приказа не было – сказали стоять здесь, – отозвался один из водителей.

– Да я вас сейчас расстреляю прямо здесь! Танки стоят, двинуться не могут. Где второй водитель?

– Не знаю, – снова ответил растерявшийся боец.

– Арестовать обоих. Доставить в штаб батальона, – приказал Николаич.

¹³ ГРУ (Главное разведывательное управление) – спецслужба, орган внешней разведки Министерства обороны Российской Федерации, центральный орган управления военной разведкой в Вооруженных Силах Российской Федерации.

¹⁴ Алчевск – город областного значения в Луганской области Украины, де факто, с 2014 года – город республиканского значения в составе Луганской Народной Республики.

Ко мне подошел один парень, с кем мы только что прибыли.

– У меня что-то сердце колотится, хотя я и воевал в Чечне, – сообщил он.

Другой тоже подошел и говорит:

– Да, шутки кончились.

Я тоже заволновался, до этого ведь не подозревал, что тебя здесь просто могут убить свои. Как-то быстро мы оказались в другой реальности, и я стал посматривать в сторону российской границы...

Было уже темно, и этой колонной нас должны были забрать в Алчевск, где дислоцировался батальон «Призрак». Некоторые ребята, с кем мы прибыли, были танкистами, и здесь как раз формировались экипажи танков (водители-механики, стрелки, наводчики и командиры танков).

Фугас, что прибыл со мной из Ростова, предложил:

– Оставайся, Бондо, выучим тебя на стрелка-наводчика, будешь танкистом.

У меня было тягостное настроение, и я не хотел дальше ехать, по крайней мере, сегодня, решив остаться здесь. Когда колонна ушла, мы все вместе с командиром сели за стол. Нас стали опрашивать и записывать: кто где служил, какая специальность и т. д. Я нигде не служил, но мои товарищи сказали, что я охотник и бью белку в глаз. Командир дал мне позывной «Охотник» и пообещал: «Как вернемся из Ростова, будешь у нас снайпером». Я был не против, так как именно на эту позицию и рассчитывал.

После того как распределились по экипажам, мы решили перекусить. Хотя еду нам предложили сразу по приезду, но что-то кусок в горло не лез. Достали, кто что мог, из своих сумок, поели, и я вышел на улицу. Ночь, тишина, летучие мыши, и только свет пробивается из открытой двери. Мне было спокойно. «Твою мать...» – подумал я.

Где-то в первом часу ночи Фугас позвал меня:

– Колонна, Бондо! Смотри, наши пошли!

Метрах в ста от нас по дороге двигалась колонна техники: «Грады»¹⁵, БТРы¹⁶, груженные танковые транспортеры перемещались со стороны российской границы в направлении Краснодона¹⁷.

– Вот они долгожданные, – сказал один из ополченцев.

Эту картину предстоит наблюдать каждую ночь, вплоть до нашего августовского наступления.

Расположились мы в здании клуба, прямо на полу. Бросили матрацы и так, в одежде, спали. За исключением вновь прибывших, остальные (а это были почти все местные с Донбасса) уже побывали в боях. Все они были примерно одного возраста – от сорока до шестидесяти пяти лет. Лица их были грубые, не всегда приятные, не те, которые мы привыкли видеть в мирной жизни.

На следующий день приехали ополченцы под предводительством Бати. Насколько я понял, он еще неделю назад был заместителем комбата Мозгового. Взрослый мужчина, лет пятидесяти пяти. Прибыли они на новых, дорогих джипах, отнятых у гражданских лиц на дело «борьбы с фашизмом». Выйдя из машины, Батя спросил: «Кто ко мне пойдет? Я создаю новый

¹⁵ 9К51 «Град» – советская реактивная система залпового огня калибра 122 мм. Предназначена для поражения открытой и укрытой живой силы, не бронированной техники и бронетранспортеров в районе сосредоточения, артиллерийских и минометных батарей, командных пунктов и других целей, решения других задач в различных условиях боевой обстановки.

¹⁶ БТР – бронетранспортер – броневая боевая машина, транспортер, предназначенная для доставки личного состава (стрелков) мотострелковых (пехотных, мотопехотных, десантных и так далее) подразделений, материальных средств к месту выполнения поставленной боевой задачи и эвакуации раненых и пораженных с места боя.

¹⁷ Краснодон – город областного подчинения в Луганской области Украины. С 7 апреля 2014 года находится под контролем Луганской Народной Республики.

батальон. Переходите к нам – тут танков не будет, Мозговому технику не дадут. Все списки в Россию подаю я».

Мы, вновь прибывшие, конечно, хлопали глазами и ничего не понимали. Хотя кое-кто пошел к нему – человек пять-шесть из тех, что были до нас.

Оружия у ополченцев здесь не было: всех разоружили еще в Алчевске, так как они должны были отправиться на один из танковых полигонов в Ростовской области и пройти обкатку экипажей, потренироваться и получить технику, с которой нужно было явиться в зону боевых действий.

Ополченец с позывным «Рост» побывал уже там и рассказывал, как происходит обучение: «От недели до трех, с пяти утра и до позднего вечера, на танковом полигоне. Потом зачет. Полностью одевают, обувают и вооружают, даже новые в масле автоматы выдают». Я был не против прокатиться до Ростова-на-Дону и покататься на танках, на войну я не спешил.

Договорились, что Механику будем звонить сразу, если приедут еще раз Батя и товарищи.

Долго их ждать не пришлось. Уже на следующий день Батя объявляет построение и говорит:

– Да вы понимаете, что вы, как стадо баранов, решиться не можете? Есть вообще приказ всех из «Призрака» расстреливать, потому что, в какой город не зайдут, – везде люди стонут от мародерства.

И тут приезжает Механик с подкреплением. Мы оказались между двух вооруженных групп. Обстановка стала напряженной. Один из пьяных ополченцев спустил автомат с предохранителя, что не могло остаться незамеченным.

– Тише дружок. Не делай глупостей, – сказали ему, его разоружая.

– Я помню, как только собрался уходить от Мозгового к Бате, меня при нем же, в его кабинете ножом резали, – закричал один из тех, что приехал с Батей, и показал следы от пыток. – А сколько Мозговой расстрелял предпринимателей, которые не хотели с ним сотрудничать?!

– Я забираю россиян, – подойдя ко мне, сказал один из шустрых молодых вояк, что уже был с нами и решил перейти на сторону Бати.

– Собирайся, пойдем к Бате, там и житуха лучше, не то что в этом сарае.

– Я приехал к Мозговому, к нему и пойду, – ответил я.

Россияне, что были со мной, остались при таком же мнении, а остальные, человек десять, перешли к Бате. Они приезжали еще несколько раз и, поняв, что больше с ними никто не пойдет, пропали.

Спустя неделю забежал один из добровольцев. Мы прозвали его НОНА (это название самоходной артиллерийской установки, на которой он служил в Чечне).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.